

Иван Тургенев

Бригадир

Иван Тургенев

Бригадир

«Public Domain»

1867

Тургенев И. С.

Бригадир / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1867

«Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина? Теперь они попадаются редко, а лет через десять и последние из них, пожалуй, исчезнут бесследно. Проточный пруд, заросший лозником и камышами, приволье хлопотливых уток, к которым изредка присосеживается осторожный «чирб́к»; за прудом сад с аллеями лип, этой красы и чести наших черноземных равнин, с заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, в томный час неподвижного полуденного зноя, уж непременно мелькнет пестрый платочек дворовой девушки и зазвенит ее пронзительный голосок...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иван Сергеевич Тургенев

Бригадир

I

Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина? Теперь они попадаются редко, а лет через десять и последние из них, пожалуй, исчезнут бесследно. Проточный пруд, заросший лозником и камышами, приволье хлопотливых уток, к которым изредка присосеживается осторожный «чирбк»; за прудом сад с аллеями лип, этой красы и чести наших черноземных равнин, с заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чашей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, в томный час неподвижного полуденного зноя, уж непременно мелькнет пестрый платочек дворовой девушки и зазвенит ее пронзительный голос; тут же амбарчик на курьих ножках, оранжерея, плохенький огород, со стаей воробьев на тычинках и прикорнувшей кошкой близ провалившегося колодца; дальше – кудрявые яблони над высокой, снизу зеленой,верху седой травой, жидкие вишни, груши, на которых никогда не бывает плода; потом клумбы с цветами – маком, пионами, анютиными глазками, крыжантами, «девицей в зелени», кусты татарской жимолости, дикого жасмину, сирени и акации, с непрерывным пчелиным, шмелиным жужжанием в густых, пахучих, липких ветках; наконец, господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стеклами в узких рамах, с покатою, некогда крашенной крышей, с балкончиком, из которого повыпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголосой старой собакой в яме под крыльцом; за домом широкий двор с крапивою, полынью и лопухами по углам, службы с захватанными дворянами, с голубями и галками на пробуравленных соломенных крышах, погребок с заржавелым флюгером, две-три березы с грачиными гнездами на голых верхних сучьях – а там уже дорога с подушечками мягкой пыли по колеям – и поле, и длинные плетни конопляников, и серенькие избушки деревни, и кряки гусей с отдаленных заливных лугов... Знакомо ли тебе все это, читатель? В самом доме все немножко набок, немножко расшаталось – а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина; беловатые протоптанные дорожки бегут от дверей по крашеным полам; в передней чижи и жаворонки в крошечных клетках; в углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью: «Strike – silent»¹; в гостиной портреты хозяев, написанные масляными красками, с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах, а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цветы и фрукты, либо мифологический сюжет; везде пахнет кваском, яблоком, олифой, кожей; мухи гудят и звенят под потолком и на окнах, бойкий прусак внезапно заиграет усиками из-за зеркальной рамы... Ничего, жить можно – и даже очень недурно можно жить.

---

¹ «Бьют – молчат» (англ.).

II

Вот такую-то усадьбу пришлось мне посетить лет тридцать тому назад... дела давно минувших дней – как изволите видеть. Небольшое имение, в котором находилась та усадьба, принадлежало одному моему университетскому товарищу; оно недавно к нему поступило, после смерти троюродного дяди, холостяка, и сам он в нем не жил... Но в недалеком расстоянии оттуда зачинались пространные степные болота, в которых, во время летнего прилета, водилось много дупелей; мой товарищ и я – мы оба были страстные охотники, а потому и сговорились съехаться – он из Москвы, я из своей деревеньки – к Петрову дню в его домик. Приятель мой замешкался в Москве и опоздал двумя днями; я без него не хотел начать охоты. Меня принял старый слуга, по имени Наркиз Семенов: его предупредили о моем приезде. Этот старый слуга нисколько не походил на «Савельича» или на «Калеба»; мой товарищ звал его в шутку «Маркизом». В нем было что-то самоуверенное, даже утонченное, не без достоинства: он смотрел на нас, молодых людей, свысока, но и к другим помещикам не питал особенного уважения; о прежнем барине отзывался небрежно, а свою братью просто презирал – за невежество. Сам он умел читать и писать, выражался правильно и вразумительно – и водки не пил. В церковь ходил редко – так что его раскольником считали. Из себя он был худощав и высок, лицо имел длинное и благообразное, острый нос и нависшие брови, которые он беспрестанно то надвигал, то поднимал; носил просторный, опрятный сюртук и сапоги до колен с вырезанными в виде сердца голенищами.

III

В самый день моего прибытия Наркиз, подав мне позавтракать и убрав со стола, остановился в дверях, пристально посмотрел на меня и, поиграв бровями, промолвил:

– Что же вы, сударь, теперь делать будете?

– А я, право, не знаю. Если бы Николай Петрович слово свое сдержал, приехал – мы бы на охоту вместе отправились.

– А вы, стало, сударь, надеялись, что они так в самый раз и приедут, как обещались?

– Конечно, надеялся.

– Гм. – Наркиз опять посмотрел на меня и как бы с сожалением покачал головою. – Коли чтением позабавиться желательно, – продолжал он, – от старого барина остались книжки; я их, буде угодно, принесу; только вы их читать не станете, так полагать надо.

– Почему?

– Книжки-то пустые; не для теперешних господ писаны.

– Ты их читал?

– Не читал, не стал бы говорить. Сонник, например... это что ж за книга? Ну, есть другие... только вы их тоже не станете читать.

– А что?

– Божественные.

Я помолчал... Наркиз помолчал тоже.

– Главное-то мне досадно, – начал я, – в этакую погоду – дома сидеть.

– В саду прогуляйтесь; а не то в рощу сходите. Тут у нас роща за гумном. Не охочи ли вы рыбу ловить?

– А у вас есть рыба?

– Есть, в пруде. Гольцы, пескари, окуни попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: июль на дворе. Ну... а все-таки попытаться можно... Прикажете удочку снарядить?

– Сделай одолжение.

– Я с вами мальчика пошлю... червей насаживать. А то разве самому пойти? – Наркиз, очевидно, сомневался в том, сумею ли я один справиться.

– Пойдем, пожалуйста, пойдем.

Наркиз улыбнулся молча, но во весь рот, потом вдруг надвинул брови... и вышел из комнаты.

IV

Полчаса спустя мы отправились ловить рыбу. Наркиз надел какой-то необыкновенный, ушастый картуз и стал еще величественнее. Он выступал впереди, степенным, ровным шагом; две удочки мерно колыхались на его плече; босоногий мальчишка нес за ним лейку и горшок с червями.

– Тут, возле плотины, на плоту лавочка устроена для удобства, – начал пояснять мне Наркиз, заглянул вперед и вдруг воскликнул: – Эго! да наши убогие уж тут... Повадились!

Я вытянул из-за него голову и увидел на плоту, на той самой лавочке, о которой он говорил, двух сидевших к нам спиною людей: они преспокойно удили рыбу.

– Кто это? – спросил я.

– Соседи, – отвечал с неудовольствием Наркиз. – Дома-то есть им нечего, так вот они к нам и жалуют.

– А им позволяется?

– Прежний барин позволял... разве вот Николай Петрович не разрешит... Длинный-то – дьячок из заштатных: совсем пустой человек; ну, а тот, что потолще, – бригадир.

– Как бригадир, – повторил я с изумлением. Одежда на этом «бригадире» была чуть ли не хуже дьячковской.

– Я же вам докладываю: бригадир. И состояние у них было хорошее. А теперь вот из милости угол отведен, и живут... так, чем господь пошлет. Однако, между прочим, как же быть? Заняли они лучшее место... Надо будет дорогих гостей потревожить.

– Нет, Наркиз, пожалуйста, не тревожь их. Мы тут же присядем в стороне: они нам не мешают. Мне с бригадиром хочется познакомиться.

– Как угодно-с. А только что если насчет знакомства... много удовольствия вы, сударь, получить не надейтесь; слабы они очень понятием стали и в «разговорке» тупы... что малый ребенок. И то сказать: восьмой десяток доживают.

– Как его зовут?

– Васильем Фомичом. По фамилии – Гуськов.

– А дьячка как?

– Дьячка-то?... прозвище ему – Огурец. Его здесь все так величают, а какое его настоящее имя – господь ведает! Пустой человек! Как есть проходимец!

– Они живут вместе?

– Нет, не вместе; да черт их... знаете... веревочкой связал.

V

Мы подошли к плоту. Бригадир вскинул на нас глазами... и тотчас устремил их на поплавок; Огурец вскочил, выдернул удочку, снял свою истасканную поповскую шляпу, провел трепетной рукой по жестким, желтым волосам, поклонился наотмашь и засмеялся дряблым смехом. Его припухлое лицо изобличало горького пьяницу; съеженные глазки униженно моргали. Он толкнул своего соседа в бок, как бы давая ему знать, что надо, мол, убираться... Бригадир зашевелился на лавочке.

– Сидите, прошу вас, не беспокойтесь, – поспешно заговорил я. – Вы нам нисколько не мешаете. Мы тут поместимся; сидите.

Огурец запахнул свой дырявый балахон, передернул плечами, губами, бородкой... Наше присутствие, видимо, его стесняло... и он бы охотно улизнул, но бригадир снова погрузился в созерцание своего поплавка... «Проходимец» кашлянул раза два, присел на самый край лавочки, положил шляпу на колени и, подобрав под себя свои голые ноги, скромно закинул удочку.

– Клюет? – с важностью спросил Наркиз, медлительно разматывая лесу.

– Штучек пять гольцов залучили, – отвечал Огурец разбитым и сиплым голосом, – да вот они порядочного окунька поймали.

– Да, окунька, – пискливо повторил бригадир.

VI

Я принялся пристально рассматривать – не его, а опрокинутое его отражение в пруде. Оно мне представлялось ясно, как в зеркале, немного темней, немного серебристей. Широкий пруд дышал на нас прохладой; прохладой веяло и от сырого обрывистого берега; и тем слаще была она, что там, над головою, в золотистой и темной лазури, над купами деревьев, ощутительным бременем навис неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; в тени, падавшей на нее с раскидистых прибрежных кустов, блестели, как крохотные светлые пуговицы, водяные паучки, описывавшие свои вечные круги; лишь изредка чуть заметная рябь шла от поплавок, когда рыба «шалила» с червяком. Бралась она очень плохо: в течение целого часа мы вытащили двух гольцов и пескаря. Я бы не сумел сказать, почему бригадир возбуждал мое любопытство: чин его не мог на меня действовать; разоренные дворяне и в то время не считались редкостью – и самая его наружность не представляла ничего замечательного. Из-под теплого картуза, закрывавшего всю верхнюю часть его головы до бровей и до ушей, виделось красное, гладко выбритое, круглое лицо, с маленьким носом, маленькими губками и светло-серыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю беспомощную грусть выражало это смиренное, почти детское лицо; в пухлых белых ручках с короткими пальцами было тоже что-то беспомощное, неумелое... Я никак не был в состоянии себе представить, каким образом этот убогий старичок мог когда-то быть военным человеком, командовать, распоряжаться – да еще в екатерининские суровые времена! Я глядел на него: иногда он надувал щеки и слабо пыхтел, как ребенок, иногда он шурился болезненно, с усилием, как все дряхлые люди. Раз он широко раскрыл и поднял глаза... Они уставились на меня из водной глубины – и странно трогательным и даже значительным показался мне их унылый взор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.